

естественной коммуникации подобная двойственность значения вообще снимется взаимной договоренностью, наличием чертежей, рисунков, инструкций и т. д., что отражает типичное для терминов субъективное начало, условленность в употреблении и образовании.

Таким образом, прилагательные формы широко используются в подъязыках естественных наук в составе именных терминологических словосочетаний, являясь видовыми конкретизаторами некоторого родового понятия, выраженного существительным. Следует признать за прилагательными формы способность к терминологизации, не ограничивая их лишь ролью структурных элементов в составе адъективно-субстативных терминологических словосочетаний. В подъязыках физики, математики нужно признать статус терминов лишь за теми прилагательными формами, которые входят в систему понятий данных наук со строго ограниченным дефиницией содержанием; в остальных случаях — рассматривать прилагательные формы в качестве терминоэлементов с систематизирующей функцией в составе образуемых с их помощью терминологических словосочетаний.

¹ См.: Бурдин С. М. О терминологической лексике. — Филологические науки, 1958, № 4, с. 61.

² См.: Даниленко В. П. Терминологизация разных частей речи. — В сб.: Актуальные проблемы лексикологии. Новосибирск, 1969, вып. 1, с. 189.

³ См.: Годер Н. М. О логической структуре понятия, выраженного словосочетанием. — В сб.: Логико-грамматические очерки. М., 1961, с. 19.

⁴ См.: Головин Б. Н. О некоторых доказательствах терминологичности словосочетаний. — В сб.: Лексика, терминология, стили. Горький, 1973, вып. 2, с. 64.

⁵ Толкования извлечены из словаря: Webster's New International Dictionary of the English Language. — New-York, 1961.

⁶ Головин Б. Н. О некоторых проблемах изучения терминов. — Вестник МГУ, 1972, № 5, с. 51.

⁷ Солицев В. М. Язык как системно-структурное образование. — М., 1971, с. 162.

И. М. ТЕПЛЯКОВ

ЛИНГВО-ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФРАЗООБРАЗОВАНИЯ

В литературе понятие познавательной ценности фразеологической единицы (ФЕ) как лингвистического знака трактуется неоднозначно. Представляется целесообразным определять это понятие как количество информации о предмете, потенциально содержащейся в знаке. Так, чешская ФЕ *je jich jako o rosvíceň*, помимо основного (концептуального) значения «много», содержит в себе ряд признаков денотата, среди которых можно выделить следующие: «не ограниченное пространством» — признак, определяющий пространственные отношения множества; «совокупное» — указывает на структуру и взаимоотношение его элементов, «динамично-хаотичное» — характеризует физическое состояние множества; «спонтанное» — намекает на причину большого сосредоточения людей в одном месте; «гетерогенное» — отражает его неоднородный состав; «непостоянное, недолговременное» — указывает на его протяженность во времени; «шумное, веселящееся» — характеризует способ поведения данного множества и т. д. Кроме того, эта ФЕ отличается яркой эмоционально-экспрессивной окраской, редкой употребительностью и шутливостью своей оценки, что в совокупности значительно повышает ее смысловой потенциал. Этот набор семантических признаков всех аспектов значения и составляет смысловое содержание данной ФЕ. В сравнении с малоинформативным словом **много** упомянутая ФЕ раскрывает суть понятия неопределенно большого множества гораздо полнее, отражая таким образом качественно новую ступень познания действительности.

Говоря о познании как диалектическом процессе, направленном на точное (конкретное) отражение мира, необходимо учитывать и сам характер познания. Именно с недооценкой его природы, на наш взгляд,

связаны разногласия в понимании познавательной сущности ФЕ¹. В связи с этим следует различать познание научное и обиходное². Для ФЕ, ориентированных прежде всего на разговорный язык, характерно участие в дифференциации реалий на обиходном уровне познания. Их познавательная ценность как лингвистической единицы проявляется, следовательно, не в обозначении новых понятий о предметах действительности, а в конкретизации и оценке уже существующих, благодаря чему эти понятия отличаются большей «вещественностью». Таким образом, в ФЕ понятие о предмете и сам предмет мысли максимально приближены, причем эта близость у них реализуется в отличие от слова не в речевом акте, а уже на уровне системы языка. Именно поэтому ФЕ характеризуются большей конкретностью, предметностью своего значения в сравнении с синонимичными им словами, а значит, и большей обиходной познавательной ценностью. В отличие от нейтрального слова *много*, которое лишь указывает на понятие неопределенно большого количества, ФЕ *je jich jako o posvícení* не только обозначает данное понятие, но и характеризует его различные свойства, выражая при этом в дискретной форме его оценочные потенции.

Уже в самой природе фразеологизма, в его становлении и функционировании, как в зеркале, отражены этапы диалектического познания действительности от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному. Этимомом ФЕ, как известно, является свободное словосочетание, лексемы которого имеют конкретные (уже осознанные) значения. В процессе метафорического переосмысления возникает качественно новое, фразеологическое значение. Если первое звено познавательной цепи «конкретное — абстрактное» связано с процессом формирования ФЕ (диахронией), то второе «абстрактное — конкретное» отражает процесс ее функционирования (синхрония). Различение двух цепочек в познании важно для понимания сущности ФЕ, совмещающей в себе одновременно этимологическое и актуальное значения. Эта совмещенность диахронического и синхронического значений предстает в семантике ФЕ как единство абстрактного и конкретного. Следует отметить при этом особый характер фразеологической абстракции. Она создается в результате необычного обобщения, которое достигается посредством отвлечения от существенных признаков прототипа, легшего в основу ФЕ, и предстает как своеобразный конгломерат периферийных признаков этимона, существенных с точки зрения формирования нового понятия. В буквальном значении слово *posvícení*, входящее в ФЕ *je jich jako o posvícení*, обозначает «традиционный престольный праздник с угощением и гуляньем», т. е. не содержит признаков, указывающих непосредственно на понятие неопределенно большого множества. Образ множества создается в процессе семантического сдвига на базе ассоциаций, возникающих в связи со значением данного слова.

В процессе фразеобразования, вызванном переосмыслением свободного сочетания, происходит семантическое перераспределение сложившейся корреляции между аспектами всех его значений. Оно проявляется в изменении соотношения между содержанием и объемом выражаемого понятия. На наш взгляд, здесь следует разграничивать два аспекта данного соотношения. Первый аспект указывает на соотношение содержания и объема понятия, выражаемого ФЕ по отношению к ее прототипу, а второй — по отношению к новому обозначаемому (денотату). Двусторонний подход к рассмотрению данной проблемы способствует пониманию процесса становления и функционирования ФЕ, отражает ее сложный и противоречивый характер. Противоречивость характера фразеологической семантики в том, что она одновременно представляет собой и опрощение (абстрагирование в диахронии) и приращение (конкретизацию в синхронии) смысла. По отношению к своему прототипу в ФЕ происходит сужение содержания и расширение объема понятия за счет приглушения семантической самостоятельности ее компонентов, увеличивающее приложимость ФЕ к более широкому классу предметов. По отношению же

к новому денотату пропорции обратны: расширение содержания и сужение объема понятия, что находит свое выражение в дополнительной информации об обозначаемом предмете, а значит, и его конкретизации.

В значении ФЕ находит языковое выражение не только диалектическая взаимосвязь абстрактного и конкретного, но и отражается единство рационального и чувственного познания действительности в человеческом мышлении. Данное единство обуславливает специфику фразеологического значения, которое одновременно содержит и логическую информацию о предмете (концептуальное значение), и наглядное представление о нем (денотативное значение), выражает его оценку и отношение к нему (коннотативное значение). Эта совокупность всех аспектов значений делает возможным познать вещь (множество) во всем многообразии проявлений ее признаков, свойств, связей и отношений. Именно в одновременном раскрытии многих сторон внеязыкового объекта (в нашем примере это определение конфигурации, состава, пространственной и временной протяженности и т. д. множества, дополненное яркой экспрессивностью и шутливостью оценки) обнаруживается качественное отличие семантики фразеологизма. В сравнении со словом **много**, содержащим лишь понятийный элемент смысла, упомянутая выше ФЕ характеризует понятие неопределенно большого количества с различных сторон, а следовательно, с большей степенью конкретности. И эту конкретность мы связываем с отражением в семантике ФЕ новой, качественно отличной ступени познания мира.

¹ Так, например, Х. Касарес, подчеркивая важность учета интенсивности в значении слов, пишет: «Вот эта-то градация и отсутствует среди модизмов (фразеологизмов — И. Т.), поскольку одной из их наиболее общих черт является именно неточность» (Касарес Х. Введение в современную лексикографию. — М., 1958, с. 244.); «Ассоциации, которые возникают при восприятии удачных сравнений, — в противовес ему утверждает А. И. Федоров, — скажут значительно больше, чем простое, логически рассчитанное описание» (Федоров А. И. Семантическая основа образных средств языка. — Новосибирск, 1969, с. 15).

² См.: Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. — М. — Л., 1965, с. 18—25.

ЛЫОНГ ВИНЬ ТХИНЬ

ОБ ОРУДИЙНОСТИ КАК ЯЗЫКОВОЙ КАТЕГОРИИ

Язык и мышление, являясь отражением объективной действительности, «связаны не как форма и содержание, а как самостоятельные феномены, каждый из которых имеет свою специфическую форму и свое специфическое содержание»¹. Изучение грамматических категорий, центральных компонентов языковой системы, в тесной диалектической связи с изучением общелогических категорий позволило бы глубже вскрыть механизм языковых значений. В лингвистической литературе этой проблеме посвящено много исследований, но, за редкими исключениями², они бессистемны, что мешает созданию по возможности полной картины взаимосвязи реальной действительности — мышления — языка.

Эта статья посвящена одной из важных категорий языковой системы — категории орудийности, центральное понятие которой — понятие средства, с учетом соотношения с общелогической категорией средства.

Категория средства как логическая категория еще в античности интересовала философов. Она обычно рассматривалась в соотношении с другими категориями — цели, результата, субъекта, объекта. Не имея возможности углубляться в философские рассуждения, ограничимся самыми важными интересующими нас моментами.

«Средство — это центральное звено в структуре осмысленной, полагающей и реализующей определенную цель человеческой деятельности»³. В качестве средства служат предметы, инструменты, действия не как объективно существующие предметы, но только в соотношении с